

Лесевицкий Алексей Владимирович

"ПРЕДЪЕВРАЗИЙСТВО" КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЦИСТИКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

В статье раскрываются причины, по которым мы можем назвать Ф. М. Достоевского идеологом "предъевразийства". По мнению автора статьи, тождественность позиции писателя и евразийцев проявляется в следующих аспектах: отношение к реформам Петра I, к системе идеократического государства, к вопросу о взаимоотношениях интеллигенции и народа и т.д. Исходя из положений исследования, мы можем назвать писателя предшественником евразийства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. IV. С. 98-100. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 177

Философские науки

В статье раскрываются причины, по которым мы можем назвать Ф. М. Достоевского идеологом «предъевразийства». По мнению автора статьи, тождественность позиции писателя и евразийцев проявляется в следующих аспектах: отношение к реформам Петра I, к системе идеократического государства, к вопросу о взаимоотношениях интеллигенции и народа и т.д. Исходя из положений исследования, мы можем назвать писателя предшественником евразийства.

Ключевые слова и фразы: история евразийства; реформы Петра I; идеократия; интеллигенция и народ; либерализм.

Лесевицкий Алексей Владимирович*Пермский финансово-экономический колледж (филиал)**Финансового университета при Правительстве Российской Федерации**lesev100@mail.ru***«ПРЕДЪЕВРАЗИЙСТВО» КАК ФЕНОМЕН ПУБЛИЦИСТИКИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО[©]**

Многие представители евразийской мысли называли Достоевского одним из идеологов данного этнополитического течения, но недостаток этого тезиса заключался в том, что евразийцы не обосновывали его должным образом. У Н. Н. Алексеева, Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого нет отдельной работы (исследования), в которой освещался бы вопрос воздействия идей писателя на евразийское движение. Автор в серии публикаций попытался восполнить данный историографический недостаток [7-10].

Во-первых, русский литератор значительно раньше основных идеологов евразийства размышлял о значении реформ Петра Великого. Достоевский проявлял огромный интерес к отечественной истории, знал практически наизусть курс Н. Карамзина, изучал книги С. М. Соловьева. Осмысление реформ давало возможность понять особенность русской цивилизации, её неповторимость и несхожесть с другими, т.к. литератор достаточно негативно относился к преобразованиям Петра I. Евразийцев и Достоевского сближает идея, согласно которой монолитный русский социум был демонтирован на две неравные микросоциальные группы. Появилось микросообщество прозападно настроенных людей – дворян, тогда как основная масса крестьянского населения осталась в лоне национальной культуры и идентичности. Единство элиты и народа было утрачено. Правящая часть иерархов была ориентирована на Западную Европу, копируя ее быт, нравы, мировоззрение представителей данной цивилизации. Будущее своих детей они не связывали с Россией: «Голпами валили за границу и молодые вертопрахи, нигде не служившие, но сильно заботившиеся о своих поместьях. Ездили туда и коренные наши помещики со всеми семьями и картонками. <...> Доживали там свой век оглохшие и беззубые старухи барыни и уже окончательно лишались употребления русского языка, которого, впрочем, не знали прежде» [5, с. 87].

Уже после смерти Достоевского евразийцы тоже отметят отчуждение прозападной дворянской элиты от народа, и это отчуждение было порождено петровской реформой. Русь так и не смогла стать европейской страной, а главное – преобразования носили антинародный и губительный характер: «Словом, процесс европеизации разрушил всякое национальное единство, изрыл национальное тело глубокими ранами, посеял рознь и затаенную вражду между всеми» [11, с. 266].

Во-вторых, по мнению литератора, процесс европеизации Руси идеологически и теоретически обосновывала прозападная интеллигенция, разрушая тем самым основы самобытной русской культуры. Уже после смерти писателя Н. С. Трубецкой буквально в духе Достоевского писал: «Ведь до сих пор именно эта интеллигенция и была проводником европеизации, именно она, уверовавшая в космополитизм и “блага цивилизации” и сожалеющая об “отсталости” и “косности” своего народа, старалась приобщить этот народ к европейской культуре, насильственно разрушая все веками сложившиеся устои его собственной, самобытной культуры. Таким образом, они были главными агентами романо-германцев» [Там же, с. 89-90].

Многие западники-интеллигенты считали русскую культуру жалкой и бесцветной по сравнению с западноевропейской. И только десятилетиями учась у Европы, можно было надеяться на серьезные достижения в области духа. По мнению литератора, западники понимали, что весь этнос невозможно соблазнить духом романо-германской цивилизации, а значит, что все «дезадантанты» реформ на европейский манер должны стать средством (материалом) для достижения данной «высшей» цели: построение новой России как части Европы. Достоевский в Пушкинской речи как бы от имени прозападных реформаторов сказал: «Кто проклянет свое прошлое, тот уже наш, – вот наша формула! Мы ее всецело приложим, когда примемся возносить народ до себя. Если же народ окажется неспособным к образованию, то – “устранить народ”...» [4, с. 487]. Западники позиционировали значительную часть русского этноса как «этнографический материал», который не способен воспринять европейскую ментальность. Русский народ неисправим и консервативен.

В-третьих, мы можем позиционировать литератора как идеолога «предъевразийства» ещё и потому, что в своей публицистике и творчестве он ярко отразил кризис правовой системы Европы. Евразийцы настаивали на том, что романо-германская цивилизация имела сугубо специфическую систему права, из которой были изъяты религиозные элементы, тогда как в России религиозная этика оказывала весьма серьезное влияние

на юридические нормы. По мнению Достоевского, право – не единственный регулятор общественных (межличностных) отношений в России. С. Г. Кара-Мурза писал: «Например, русских сильно связывает друг с другом ощущение родства, за которым стоит идея православного религиозного братства и тысячелетний опыт крестьянской общины. Англичане, прошедшие через огонь Реформации и раскрестьянивания, связываются уважением прав другого» [6, с. 230]. Представители евразийства уже после смерти Достоевского настаивали на том, что в странах, не относящихся к европейским, юридический закон и мораль не были разделены столь фундаментально. Религиозная аксиология оказывала на систему права достаточно мощное воздействие. Именно поэтому литератор в своём эпохальном произведении «Братья Карамазовы» настаивает на том, чтобы государство эволюционировало в Церковь, т.к. юридическая норма не может сделать человека более нравственным, а способна вызвать лишь страх наказания. По мнению Достоевского, в сегмент права необходимо внести и религиозный компонент, в частности, поэтому он критиковал институт адвокатуры, когда адвокат вынужден защитить человека, совершившего преступление. Защитник тратит все свои таланты и трудолюбие, чтобы его клиент избежал наказания: «Мне кажется, что избежать фальши и сохранить честность и совесть адвокату так же трудно, вообще говоря, как и всякому человеку достигнуть райского состояния» [4, с. 72]. В этом Достоевский видел безнравственность правовой системы, без твердых этических устоев право теряет свою регулятивную функцию. Юридическая система деперсонифицирована, по мнению литератора и евразийцев, необходим синтез закона и религии в рамках всеобщего функционирования правовой системы: «В общем, у народов христианской культуры основные нормы, лежащие в основе уголовного права, в значительной степени совпадают с нравственными нормами, сформулированными в десяти заповедях» [1, с. 506].

В-четвертых, русский литератор дает крайне близкую евразийской дефиницию системы государства. Напомним, что представители евразийства разработали учение об идеократии, идеологии, которая должна быть фундаментом данного социального конструкта. Необходимо отметить, что писатель высказал многие идеократические идеи значительно раньше евразийцев. По мнению Достоевского, экономика не играет определяющей роли в жизни этносов, здесь производится переосмысление теории К. Маркса о превалировании материального базиса. Жизнь народов определяет идеология, которая формирует экономический базис, влияя на все стороны жизнедеятельности общества. По мнению литератора, можно говорить о ментальной несхожести между западным и русским человеком. Личность романо-германского типа полностью подчинена экономике, идеалу мамонизма. Приобретение материальных благ во многом определяет ее бытие. Достоевский настаивает на том, что материальная сторона бытия не была определяющей для русского человека, который в большей степени жил внеэкономическими смыслами экзистенции. Оригинальный проект идеократического государства писатель предложил читающей публике в романе «Братья Карамазовы». Согласно его мнению, государство должно превратиться в Церковь, религиозные догматы и нормы должны определять экономическую сферу, сегмент политики и культуру. Значительно раньше евразийцев писатель отметил, что в идеократическом государстве правящая группа исповедует единое с простым народом мировоззрение. Именно из этого фактора рождается мощь государства, заботиться об экономике, безусловно, необходимо, но она не определяет историческую судьбу того или иного этноса: «Нации живут великим чувством и великою, всех единящею и все освещающею мыслью, единением с народом, наконец, когда народ невольно признает верхних людей заодно, из чего рождается национальная сила – вот чем живут нации, а не одной лишь биржевой спекуляцией и заботой о цене рубля» [4, с. 411].

В-пятых, весьма схожа с евразийской и критика литератором либеральной идеологии, которую некоторые западники навязывали России в качестве своеобразного цивилизационного эталона. Подобных идеологов Достоевский называл не только «безличностями», т.е. мыслителями, лишенными национальной почвы, но и своеобразными «попугаями», ибо они лишь на свой лад повторяли основные догматы учений Ж.-Ж. Руссо, А. Смита, Дж. Локка и др. Аутентичной и оригинальной теории они не в силах были представить интеллигентному обществу. Известно, что А. Смит проповедовал учение, согласно которому государство не должно вмешиваться в систему экономических отношений, оно не должно бороться с пауперизмом, ибо через функционирование рынка происходит «естественный отбор» индивидов в рамках социальной структуры общества. Напротив, Достоевский громадную долю своего творчества посвятил идее христианского сострадания, которая не зависит от социального положения конкретного индивида в государстве. Кроме того, писатель был острым критиком самих основ либеральной идеологии. Вместе с К. П. Победоносцевым Достоевский буквально высмеял «слепую веру» либеральной интеллигенции в парламентаризм и конституционализм, идею «равенства возможностей», «разумный эгоизм» и т.д. Огорчал писателя и антипатриотический настрой некоторых представителей вышеуказанной идеологии, которые заявляли, что Россия не способна на самостоятельное, независимое от Запада развитие, а может только подражать. Писатель констатирует существенное отчуждение от народа прозападной либеральной элиты. Кроме того, Достоевский старался противопоставить либеральному концепту «расколотого социума» идеал православной соборности, братского сплочения личностей в едином гомогенном объединении. В своей критике либеральной теории литератор чрезвычайно близко подошел к евразийской трактовке данной политической идеологии, в частности, поэтому мы можем считать писателя одним из основателей евразийства. Н. Н. Алексеев заметит: «Несмотря на эту выдающуюся культурную роль, было в русском либерализме нечто искусственное, тепличное, недостаточно почвенное. Если западничеству реакционного стиля удалось сделаться огромной фактической силой, сумевшей организовать народные массы и долго руководить судьбами государства, то русский либерализм всегда был чем-то кабинетным и отвлеченным, не умел войти в жизнь и потому потерпел решительный крах в эпоху революции» [1, с. 127].

Таким образом, мы можем позиционировать Достоевского как одного из главных предшественников евразийской идеологии.

Список литературы

1. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
2. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, 2002. 688 с.
3. Достоевская А. Г. Воспоминания. М.: Правда, 1987. 544 с.
4. Достоевский Ф. М. Дневник писателя. Избранные главы. СПб.: Азбука, 1999. 527 с.
5. Достоевский Ф. М. Искания и размышления. М.: Советская Россия, 1983. 464 с.
6. Кара-Мурза С. Г. Демонтаж народа. М.: Алгоритм, 2008. 704 с.
7. Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник евразийства: монография. Пермь: ОТ и ДО, 2012. 171 с.
8. Лесевицкий А. В. Евразийские сентенции в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 107-110.
9. Лесевицкий А. В. Евразийский концепт Ф. М. Достоевского // Общество и этнополитика: материалы Седьмой междунауч. науч.-практ. интернет-конф. (г. Новосибирск, 1 мая – 1 июня 2014 г.) / Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; Сибирский институт управления; под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. С. 284-291.
10. Лесевицкий А. В. «Исход к Востоку» как цивилизационный проект развития в публицистике Ф. М. Достоевского // Антро. 2014. № 2 (15). С. 150-162.
11. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.

“PRE-EURASIANISM” AS A PHENOMENON OF F. M. DOSTOYEVSKY’S SOCIAL AND POLITICAL ESSAYS**Lesevitskii Aleksei Vladimirovich***Perm Financial and Economic College (Branch) of Financial University under the Government of the Russian Federation
lesev100@mail.ru*

In the article the reasons, for which we can call F. M. Dostoyevsky an ideologist of “pre-Eurasianism”, are revealed. The author believes that the identity of the writer’s and the Eurasianists’ positions is manifested in the following aspects: attitude towards the reforms of Peter I, the system of the ideocratic state, the issue of interrelation between the intellectuals and the common people and so on. On the basis of the provisions of the research the writer can be called a predecessor of Eurasianism.

Key words and phrases: history of Eurasianism; reforms of Peter I; ideocracy; the intellectuals and the common people; liberalism.

УДК 94+626-1/2

Исторические науки и археология

В статье рассматривается история организации социальной инфраструктуры для рабочих при строительстве Обь-Енисейской соединительной водной системы. В фокус исследования включена сфера духовно-религиозного воспитания и образования. Проанализирован процесс возникновения подведомственных учебных заведений на водных путях. Выявлены предпосылки к созданию первого одноклассного училища на Обь-Енисейской водной системе и приведены обобщенные данные о духовно-религиозном быте рабочих.

Ключевые слова и фразы: история Сибири; водные пути; социальная инфраструктура; учебные заведения; духовный быт рабочих.

Литвинова Ольга Геннадьевна*Томский государственный архитектурно-строительный университет
litvinovaolga1982@gmail.com***СОЗДАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ
ОБЬ-ЕНИСЕЙСКОЙ СОЕДИНИТЕЛЬНОЙ ВОДНОЙ СИСТЕМЫ (1899-1922 ГГ.)[©]**

*Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-04-00289
«Историко-технические и планировочные особенности соединения сибирских рек Оби и Енисея
в конце XIX столетия (деревянные гидротехнические сооружения “Обь-Енисейского канала”»).*

Строительству объектов инфраструктуры в период возведения и эксплуатации соединительных водных систем России XIX в., посвящено не так много работ. В первую очередь это связано с тем, что внимание авторов было сконцентрировано больше на экономической стороне и истории строительных этапов. Тем не менее, организация быта рабочих в гидротехнической строительной отрасли весьма интересна, так как от удобства и комфорта пребывания на строительных работах зависели темпы реализации грандиозных проектов. Одним из первых авторов, который уделил внимание организации быта рабочих, был Н. Воскобойников. В его статье о строительстве Ладожского канала, изданной в середине XIX в. в журнале «Русский Вестник», содержится